

RU

Семантико-грамматические особенности французской лексики
в освоении категории рода: на материале произведений А. С. Пушкина

Гордеева Л. П.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей соотношения галлицизма и прототипа на грамматическом и семантическом уровнях. В статье рассматривается взаимодействие двух языков на этапе формирования литературных норм в первой половине XIX века. Внимание уделяется грамматической интерференции, в частности категории рода, и деривационным процессам, происходящим в русском языке. В этот период лингвистическая единица становится элементом двух контактирующих систем одновременно и в процессе взаимодействия при сохранении форм собственного языка принимает особенности принимающей страны, вследствие чего возникает варьирование как семантического комплекса, так и грамматических, фонетико-графических форм. Научная новизна исследования состоит в том, что на материале текстов А. С. Пушкина конкретизирована сфера употребления адаптированных лексем с определённым конечным сегментом, отражено влияние французских звуков на категорию рода в русском языке и на процесс создания деривационного значения. В целом представлены сходство и различие двух языковых систем в грамматическом аспекте и изучена роль автора-билингва в становлении отечественного языка на французской основе. В результате исследования установлена сфера функционирования французских лексем в творчестве А. С. Пушкина, а также влияние автора на русификацию галлицизмов в формально-грамматическом и семантическом аспектах.

EN

Semantic and grammatical features of French vocabulary
in the assimilation of the category of gender:
based on the works of A. S. Pushkin

L. P. Gordeeva

Abstract. The research aims to identify the specific features of the relationship between Gallicisms and their prototypes at the grammatical and semantic levels. The article examines the interaction of two languages during the formation of literary norms in the first half of the 19th century. Particular attention is paid to grammatical interference, specifically the category of gender, and the derivational processes occurring within the Russian language. During this period, a linguistic unit became an element of two contacting systems simultaneously; in the process of interaction, while retaining the forms of its source language, it adopted the characteristics of the host language. This resulted in variations in semantic complexes as well as in grammatical, phonetic, and graphic forms. The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on the texts of A. S. Pushkin, it specifies the sphere of usage for adapted lexemes with particular terminal segments and reflects the influence of French sounds on the category of gender in Russian and on the process of creating derivational meaning. In general, the study presents the similarities and differences between the two linguistic systems from a grammatical perspective and explores the role of a bilingual author in the development of the Russian language on a French foundation. The study established the functional sphere of French lexemes in A. S. Pushkin's creative work, as well as the author's influence on the Russification of Gallicisms in both formal-grammatical and semantic aspects.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов, во-первых, частым отклонением от литературной нормы в словообразовании современных носителей языка, которое связано с различными явлениями: с просторечием, с влиянием диалектов, жаргонизмов, других языков и др. Хаотичное смешение различных форм вносит изменения в словообразовательные модели и грамматические категории, присущие

русскому языку. В результате происходит процесс грамматических новообразований, приводящий к неоднозначности лексического восприятия семантической единицы и, как следствие, к речевым ошибкам, так как искажаются синтагматические и парадигматические отношения словообразовательной системы. Во-вторых, исследование творчества А. С. Пушкина как создателя современного литературного языка позволяет установить сферы употребления слов с различными сегментами и придерживаться моделей словообразования, свойственных литературному русскому языку. В-третьих, актуальность обусловлена также современными тенденциями в развитии лингвистической науки, проявляющимися в сосредоточении научного интереса на вопросах интерференции и систематическом описании взаимосвязи двух языковых систем.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- вычленив и идентифицировать разнородный пласт лексики французского происхождения в произведениях А. С. Пушкина;
- исследовать процессы деривации и поэтапной ассимиляции галлицизмов на семантическом и грамматическом уровнях;
- выявить особенности определения категории рода галлицизма и прототипа;
- классифицировать существительные по родовым признакам;
- определить влияние смешения в языке билингва на процессы семантико-грамматической ассимиляции.

Цель и задачи статьи обусловили выбор следующих методов исследования: метод лингвистического описания, предполагающий исследование и обобщение материала в связи с целевой установкой статьи; синхронический метод сравнения одних и тех же лексических единиц на разных синхронных срезах истории русского языка; диахроническое описание, где рассмотренные лексические единицы предстают в динамике эволюции системы языка на семантическом и грамматическом уровнях; исследование также предполагает включение элементов сопоставительного и контекстуального анализа (соотнесение анализируемых явлений друг с другом в условиях пушкинского контекста).

Материалом для исследования являются прозаические и поэтические произведения А. С. Пушкина, критические публикации автора, его статьи, отдельные наброски и заметки.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области изучения интерференции, морфологии и словообразования. В частности, существует несколько подходов к определению интерференции. Специалист по теории перевода В. Ю. Розенцвейг определяет интерференцию как «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» (1972, с. 28), тогда как социолингвист Э. Хауген (1972, с. 69-70) отмечает в интерференции лингвистическое частичное совпадение, при котором языковая единица оказывается элементом двух языковых систем. Учёные приходят к выводу, что нарушения могут быть: лексические, семантические, фонологические, орфографические и др. Грамматическая интерференция, в свою очередь, включает морфологическое, синтаксическое и пунктуационное соотношение взаимосвязанных элементов и возникает при взаимодействии двух языков, когда подвергаются трансформации правила чужого языка под влиянием родного. Как известно, в русском языке все существительные, имеющие форму единственного числа, обладают категорией рода – мужским, женским или средним. Тогда как существительные во французском языке могут иметь два рода в единственном и во множественном числе: мужской и женский (Мазина, 2021, с. 362). Распределение по родам происходит по лексическим и морфологическим признакам. В первой трети XIX века законы отечественного языка в определении рода применяются к аналогичным элементам французского, которые в одних случаях могут приводить к сохранению родовой принадлежности прототипа, а в других – к его нарушению.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования основных положений и результатов исследования при разработке лекций и практических занятий по современному русскому языку, лингвокультурологии, словообразованию, морфологии. Отдельные положения могут применяться при составлении словаря заимствованной лексики в языке писателя. Материалы исследования также могут быть полезны при разработке и чтении курсов по проблемам языковых контактов, в преподавании русского языка как иностранного франкоговорящим студентам.

Обсуждение и результаты

Так как анализируемые лексемы выявлены методом выборки в текстах конкретного автора, то вызывает интерес роль личности в интерференции. У. Вайнрайх (1972) выделяет два подхода к изучению вопроса интерференции: во-первых, можно анализировать языковое поведение отдельного индивида, во-вторых – целого коллектива, находящегося в ситуации языкового контакта. Два типа двуязычия определяют два типа интерференции, возникающих или при индивидуальном освоении неродного языка, или при коллективном, последнее наблюдается в результате речевых контактов.

Первая треть XIX века характеризуется повсеместной популяризацией французского языка: «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно ещё ограничена. Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных, таким образом и мыслим» (Пушкин, 1988, с. 45). В то же время, как отмечает С. Изюмская, «автор (А. С. Пушкин. – Л. Г.) стремится убедить читателей не нарушать богатство и разнообразие русского языка, всегда следовать “языковому вкусу”» (2024, с. 110). Свободное владение двумя языками в равной степени приводит

к коллективному двуязычию. Дополнение денотативного содержания иноязычной единицы коннотативным в произведениях А. С. Пушкина свидетельствует о наличии обиходно-бытового опыта, культурно-национального знания французского языка. Так как окказиональный характер, эмоциональную, оценочную или стилистическую оценку, как правило, используют в своей речи билингвы, которые выражают мировидение чужой страны наряду со своим родным отечеством. Все перечисленное свидетельствует о личности, свободно владеющей двумя языками в результате речевых контактов разных стран при коллективном двуязычии.

В творчестве А. С. Пушкина преобладают французские заимствования с конечными *-ция, -ент, -ант, -от, -изм, -ет, -ист, -ёр*. Перечисленные элементы мы классифицировали на две группы. В первую группу вошли лексемы отечественного языка, совпадающие по родовой принадлежности с французским прототипом, во вторую группу – языковые единицы, подвергнувшиеся родовой трансформации в русском языке. Категорию рода французских лексем мы устанавливали по французскому словарю *Dictionnaire de L'Académie française* 1835 года издания. Выбор данного словаря обусловлен в том числе тем, что созданный в конце XVII в. (1694 г.) Французской Академией лексикографический источник «утвердил современное состояние языка, решив задачу нормирования языкового употребления слов французского языка» (Сокурова, 2025, с. 2348). В то время как формальные признаки ассимилированных единиц рассматривались на материале Словаря русского языка XVIII в., Словаря церковно-славянского и русского языков, отражающего значения и грамматическое употребление слов в первой половине XIX в. «Бессмертный памятник попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников М. В. Ломоносова» представляет Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, к которому обращается А. С. Пушкин в поисках отечественных слов (Изюмская, 2024, с. 109). При определении роли автора-билингва в грамматической русификации иноязычных лексем – Словарь языка А. С. Пушкина и его тексты.

Среди аффиксов были отмечены лексемы женского рода на *-ция* и мужского рода *-ент, -ант, -от, -изм*, совпадающие с правилами языка-донора и не вызывающие варьирования или замены рода, в то время как колебания в установлении родовой принадлежности могли наблюдаться у языковых единиц на *-ет, -ист, -ёр*, формирующих вторую группу. Следует напомнить, что в соответствии с лексико-грамматической классификацией русских имён существительных к женскому роду относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-а (-я)*, мужской род – нулевая флексия после твёрдого согласного и ряд слов с нулевой флексией после мягкого согласного. В нашей работе не представлен средний род имён существительных.

I. К группе коррелятов, в которых сходство компонентов в русском и французском языках приводит к закреплению категории рода прототипа, относят французские существительные женского рода с сочетаниями *-tion, -tio, -tia*, по аналогии с языком-донором согласные и гласные принимающего языка проецируются в *-ция* и переходят к части основы. В устной французской речи у слов с конечным *-tion* иногда отсутствует носовой *-n*, возможно, орфоэпические особенности прототипа оказали воздействие и на принимающий язык, так как могли повлиять на род усечением прототипа (*tio-n*). В связи с этим различий не возникает, так как совпадение формальных признаков языка-донора и реципиента (женский род в русском языке в именительном падеже – окончания *-а, -я*) ведёт к отсутствию вариативности рода. Это наиболее многочисленная группа французских заимствований с латинской праформой в произведениях писателя, которая составляет около 8,4%. При этом лексемы активно участвуют в государственном реформировании политической и юридической сферы: *апробация* – фр. *approbation* (f) (*Dictionnaire de L'Académie française*, т. 1; Словарь русского языка XVIII века, 1984, вып. 1, с. 83) (лат. *approbatio*), *декларация* – фр. *déclaration* (f) (лат. *declaratio*) (*Dictionnaire de L'Académie française*, т. 1; Словарь русского языка XVIII века, 1991, вып. 6, с. 79-80), *капитуляция* – фр. *capitulation* (лат. *capitulatio*) (Словарь русского языка XVIII века, 1997, вып. 9, с. 245-246), *конституция* – фр. *constitution* (f) (лат. *constitutio*) (*Dictionnaire de L'Académie française*, т. 1; Словарь русского языка XVIII века, 1998, вып. 10, с. 142) и др.

Иноязычная аффиксальная морфема *-ци* ограничивает функциональную сферу употребления галлицизмов в области 'государственного управления': **апробация** – «Одобрение, похвала, согласие» (Яновский, 1803, ч. 1, с. 188), **декларация** – «...объявление чего... бывает в употреблении между державами...» (Яновский, 1803, ч. 1, с. 670), **капитуляция** – «условные пункты... в следствии коих оные сдаются и опоражниваются, а гарнизон, на основании договора или выходит свободным или остается военнопленным» (Яновский, 1804, ч. 2, с. 122), **конституция** – «законы, определяющие государственное устройство страны» (Словарь языка Пушкина, 1957, т. 2, с. 365). В текстах А. С. Пушкина данные слова употребляются по правилам изменения существительных женского рода 1 склонения в современном русском языке: «...на **апробацию**...» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 528); «...свою **декларацию**...» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 412); «...сдались на **капитуляцию**...» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 333); «...заступился сильно за **вольности и конституцию**...» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 493). Таким образом, отечественный язык перенимает род французского источника и формирует единое словообразовательное значение 'документ'.

Во французском языке к мужскому роду относятся существительные с конечными *-(m)ent, -ot, -isme, -ent/-ant*

Передача на русской почве элементов *-ент, -ант* присуща как французским источникам с *-ent, -ant*, так и латинским этимонам на *-ens (-ntis), -ntus*. Употребление таких заимствований в текстах А. С. Пушкина составляет примерно 5%. Разделим галлицизмы на две группы, опираясь на деривационное значение, создаваемое словообразовательными аффиксами: 1) это единицы с указанием лица и 2) лексемы официально-деловой сферы и номинации строения: 1) *комендант* – фр. *commandant*, *педант* – фр. *pedant*, *секундант* – фр. *secondant*, *сержант* – фр. *serjent*, *препендент* – фр. *prétendant* [лат. *praetendens (praetendentis)*], *регент* – фр. *régent* [лат. *regens (regentis)*], *резидент* – фр. *résident* [лат. *residens (residentis)*]; и 2) *департамент* – фр. *département*, *фундамент* – [лат. *Fundamentus (fundamentum)*], *регламент* – фр. *réglement*.

Дефиниции, указывающие на лицо мужского пола, ведут к сохранению одноименного рода: **комендант** – лат. *commendare* ‘поручать’ → ‘начальник крепости’ (Dictionnaire de L’Académie française, т. 1). Русский язык также перенимает значение и род источника. В 1792 г. «м. Франц. Начальник над берегательным войском в крепости...»; **педант** – лат. *paedagogus* – «воспитатель» и нем. «мелочный торговец» (Фасмер, 1987, т. 3, с. 225) → «...человек, отличающийся чрезмерной, преувеличенной аккуратностью, приверженный к порядку до мелочей...» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 484); **секундант** – «посредник...» (Словарь языка Пушкина, 1961, т. 4, с. 94), «свидетель...», «сручник, товарищ» (Даль, 1882, т. 4, с. 155), **сержант** – фр. *serjent* ‘воин’ «старший военный урядник» (Яновский, 1806, т. 3, с. 644), **претендент** – «...домогающийся чего... Претендовать на что...» (Даль, 1865, ч. 3, с. 361) от лат. *praetendens* (*praetendentis*) – ‘заявляющий притязания, домогающийся’. В настоящее время также ‘лицо, заявляющее притязания на что-либо’ (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 518), **регент** – «правитель... опекун при малолетнем государе» (Даль, 1866, ч. 4, с. 90) → «временный правитель государства» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 547), **резидент** – лат. *residens* (*residentis*) – «сидящий, пребывающий» → «м. Фран. Посланный от одного Государя к другому для пребывания в его столице, для случающихся дел...» (Словарь Академии Российской, 1794, ч. 5, с. 112) → «посланник... представитель...» (Даль, 1866, ч. 4, с. 90) → «дипломатический представитель» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 550). В текстах Пушкина согласование перечисленных лексем идёт также в соответствии с общей тенденцией морфологической ассимиляции существительных в XIX в.: «...яицкому **коменданту**...» («История Пугачева») (1950b, т. 6, с. 110); «...слывет **педантом**» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной») (1954, т. 3, с. 313); «...моим **секундантом**» («Капитанская дочка») (1954, т. 3, с. 454); «...гвардии **сержант**» («Евгений Онегин») (1984, с. 72); «...за **претендента**» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 502); «...как при умном и безнравственном **регенте**...» («Французская академия») (1950a, т. 5, с. 300); «Датскому **резиденту**...» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 276).

Следует отметить, что часть *-ant* является не только передачей французского *-ant*, но и адаптированного в том же роде элемента *-ent* (*сержант* – *serjent*). При этом у французского заимствования *педант* отмечается эмоционально-оценочный (коннотативный) компонент, мотивирующая лат. и гр. основа *paedagogus* – *педагогика* → фр. *pedant* – *педант*. Однако в настоящее время связь галлицизма с мотивирующей основой утратилась, произошла деэтимологизация лексемы, и поэтому не представляется возможным провести параллель между производящей основой ‘педагогика’ и словом *педант*. Если в словах *сержант* и *комендант* французская составляющая влияет на формирование словообразовательного значения ‘военнослужащий’, при этом в слове *комендант* отмечается преемственность в проявлении семы латинского языка *commendare* ‘поручать’ → фр. *commandant* ‘начальник’, то у галлицизмов *регент*, *претендент* и *резидент* объединяющим признаком будет номинация лица в области государственного управления.

Обратимся к существительным, которые, имея указанный элемент, пополняют другую типологию слов: **департамент** – «административно-территориальные единицы» → «название... учреждений (министерств, сената)». Значение заимствовано из Франции, там так называли и называют «административно-территориальные единицы» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 201), «**Департамент** уделов» («Отрывки из писем, мысли и замечания») (Пушкин, 1950a, т. 5, с. 40); **фундамент** – франц. ‘основа, опора’ или лат. *fundamentum* – «фундамент, основание» → в 1794 г. «...*Фундамент*, -нта м. Основание», «...на каменном **фундаменте**» («История Петра I») (Пушкин, 1950b, т. 6, с. 487); **регламент** – лат. *regula* «правило» → фр. *règlement* – *регламент* ‘свод правил’ (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 547), «...различные **регламенты**» («История Петра I») (Пушкин, 1950b, т. 6, с. 525).

-ot

Конечное французское *-t* (*-ot*) употребляется в неоднородных тематических группах и приводит к транслитерированной (побуквенной) передаче французского источника. В текстах писателя количество слов с *-ot* незначительно, около 0,7%: *галиот* (небольшое судно) – фр. *galiot*, *канот* (домашнее платье) – фр. *carot*, *патриот* (наименование лица) – фр. *patriot* и др.

Так как перечисленные лексемы в XIX в. моносемантичны, значение их уже отражено, то мы обратимся к морфологическим признакам употребления в текстах А. С. Пушкина, которые представляют различные графические формы некоторых адаптированных существительных: **галиот** – «...множество **гальотов**...» (Р. п. мн. ч.) («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 290), «...бомбардирных **галиота**» (Р. п. ед. ч.), «...бомбардирные **галиоты**» (И. п. мн. ч.) («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 482), «...бомбардирский **галиот**...» (И. п. ед. ч.) («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 471). Такое чередование корневых форм связывают с французским сочетанием *-li* (*galiot*), влияние которого обуславливает и значительное количество фонографических вариантов, можно предположить, что на выбор лексемы **гальотов** могла повлиять морфологическая форма данной лексемы – это родительный падеж множественного числа (Гордеева, 2021, с. 146). Впоследствии же литературной формой, объединяющей различные значения, остается форма **галиот**. Данная единица, в связи с архаизацией значения, практически не встречается в лексикографических изданиях, в том числе отсутствует и в Словаре языка А. С. Пушкина, а использование галлицизма в исторической прозе указанного автора ещё раз подчеркивает документальность описываемых им событий.

Соответствуют нормативному применению французские заимствования: «...снять **капот**...» («Пиковая дама») (Пушкин, 1954, т. 3) и **патриот** – «любящий отечество, ревнитель о благе и пользе его» (Словарь Академии Российской, 1814, ч. 3, с. 263), «...почитают себя **патриотами**...» («Отрывки из писем, мысли и замечания») (Пушкин, 1950a, т. 5, с. 43). Следует также отметить, что у французского источника не указан род:

patriote s. – существительное (Dictionnaire de L'Académie française, т. 2), тогда как в России *патриот* м. р. (Словарь церковно-славянского и русского языков, 1847, т. 3, с. 163).

-isme

В русском языке, по мнению В. В. Виноградова, суффикс *-изм* имеет «глубокий отпечаток отвлеченности», на что указывает и А. С. Пушкин: «...просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов... но учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует...» (1988, с. 53). Французские лексемы на *-isme* представлены в произведениях автора-билингва – 1,5%: *материализм* – фр. *matérialisme*, *романтизм* – фр. *romantisme*, *фанатизм* – фр. *fanatisme*, *эгоизм* – фр. *égoïsme* и др. Данный суффикс преобладает в прозе А. С. Пушкина при обозначении «отвлеченных понятий, названий общественных, политических, научных взглядов...» (Дерягин, 1978, с. 45), в частности литературных, философских, религиозных направлений: **романтизм** – литературное направление (Краткий словарь литературоведческих терминов, 1985, с. 144), **материализм** – «философское учение...», **фанатизм** – «страстная преданность своим верованиям...» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 667), **эгоизм** – стремление человека к собственной выгоде и пользе: «...противники **романтизма**...» («Письмо к издателю “Сына отечества”») (1950а, т. 5, с. 17), «...противу **материализма**...» («Александр Радищев») (1950а, т. 5, с. 378), «...всякого рода **фанатизм**...» («Денница. Альманах на 1830 год») (1950а, т. 5, с. 89), «...в холодный **эгоизм**...» («Пиковая дама») (1954, т. 3, с. 391).

Все перечисленные словообразовательные типы имеют мотивирующие основы: роман → *романтизм*, материя → *материализм*, фанат → *фанатизм*. При этом если прототипы галлицизмов *материализм*, *фанатизм*, *эгоизм* отмечены во французском словаре как существительные мужского рода (Dictionnaire de L'Académie française, т. 1, 2), то заимствование *романтизм* не фиксируется, вероятно, оно уже создано по аналогии с другими словами.

Следовательно, в первой половине XIX века существуют правила, позволяющие сохранить преемственность в грамматической категории рода – это совпадение французских и русских правил в обозначении рода: французский женский род *-tion*, *-tio* и *-tia* → русское окончание *-а(-я)* женского рода именительного падежа; французские существительные мужского рода: *-ent*, *-ant*, *-ot*, *-isme* → в русском языке окончание на согласный в именительном падеже (нулевое окончание) также мужского рода; основополагающим также является лексический аспект в номинации лиц мужского пола.

II. Если в перечисленных выше примерах французский конечный сегмент совпадал в определении рода с правилами русского языка и разночтений не возникало, то в данной группе будут рассмотрены лексемы, в которых несоответствие между звуками в языке-доноре и реципиенте приводит к варьированию.

Н. С. Мазина относит к существительным, употребляющимся во французском языке в женском роде, суффиксы: *-ade*, *-aie*, *-aille*, *-ance*, *-asse*, *-esse*, *-ette*, *-ine*, *-ise*, – и отмечается также ряд дополнительных свойств изменения рода под влиянием артиклей, детерминативов, прилагательных (2021, с. 363; Сенченкова, 2025). В нашем случае значительное распространение в произведениях А. С. Пушкина получают галлицизмы с элементом *-em* – 5% (от *-et/-ette*), которые используются при номинации французской лексики разных функциональных сфер: *балет* – фр. *ballet*, *корсет* – фр. *corset*, *куплет* – фр. *couplet*, *кабинет* – фр. *cabinet*, *туалет* – фр. *toilette*, и др.: **балет** – «зрелище, составленное из плясок и немого действия», датирован во Франции в конце XVI в., **корсет** – франц. *corset* от *corps* «тело» → «пояс, стягивающий нижнюю часть грудной клетки и живот с целью придания фигуре стройности», **куплет** – «строфа в песне...» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 352). У А. С. Пушкина: «**Корсет** носила...» («Евгений Онегин») (1984, с. 73), «...привез **куплет** Татьяне» («Евгений Онегин») (1984, с. 142) и «Разберем... оперу и **балет**...» («Мои замечания об русском театре») (1950а, т. 5, с. 9).

В перечисленных выше лексемах представлена побуквенная транслитерация французских частей, не вызывающая варьирования категорий рода, этому способствует конечная *-t*, однако в отечественном языке колебания всё-таки отмечаются у некоторых существительных в передаче *-et* и *-ette*, например *кабинет* 1705 и *кабинета* 1721 (фр. *cabinet*), *куплет* и *куплета* (фр. *côtelette*). В одних словах наличие французского *-e* по правилам русского языка (гласная на конце) – это именительный падеж женского рода (*-а*); в других – *-e* нивелируется, и в принимающем языке формируется единица с основой на согласный, который определяет их принадлежность к мужскому роду, например адаптация галлицизма *туалет* (фр. *toilette*). **Туалет** в первой половине XIX века в определении рода сохраняет категорию французского аналога, где форма *toilette* относится к женскому роду: франц. *toilette* (s. f. – существительное женского рода) (Dictionnaire de L'Académie française, т. 2) от *toile* «холст, полотно», лат. *tēla* «ткань». Русские лексикографические источники вслед за французским прототипом продолжают среди обязательных грамматических параметров заимствования отмечать также женский род *туалета* (Словарь церковно-славянского и русского языков, 1847, т. 4, с. 303). Тексты А. С. Пушкина предлагают нам адаптированный современный вариант: «В последнем вкусе **туалетом**...» («Евгений Онегин») (1984, с. 39).

-iste

Французская лексика с элементом *-iste* – *-ист* в публицистике А. С. Пушкина представлена 0,9%. Это заимствования *журналист* – фр. *journaliste*, *нигилист* – фр. *nihiliste*, *романист* – фр. *romaniste*, *эгоист* – фр. *égoïste* и др. Наличие *-e* во французском *-iste* не приводит к варьированию в принимающем языке и адаптируется как суффикс *-ист*, иноязычный аффикс способствует созданию словообразовательного типа «обладающий чем-либо в очень большой степени»: **журналист** – «писатель, издатель журнала» (Словарь русского языка XVIII века, 1992, вып. 7, с. 148) → в XIX в. «чиновник присутственного места, ведущего журналы», «редактор повременного издания» (Даль, 1880, т. 1, с. 564), лат. *nihil* «ничего» → **нигилист** → «представитель разночинной интеллигенции, отрицавший принципы и традиции дворянской культуры» (Большой словарь

иностранных слов, 2004, с. 442), «слово взято из статьи Н. И. Надеждина “Сонмище нигилистов”» и носит «бранный» характер (Словарь языка Пушкина, 1957, т. 2, с. 859); *роман* – «литературное произведение, написанное на романском языке» (Большой словарь иностранных слов, 2004, с. 564) → **романист** → ‘специалист в сфере романской литературы и языка’. Существительные в русском языке склоняются по правилам принимающего языка: «...французским **журналистам...**» («О поэзии классической и романтической») (Пушкин, 1950а, т. 5, с. 30), «...Ванюша... кричал: “...безбожник, **нигилист!**”...» («Детская книжка») (Пушкин, 1950а, т. 5, с. 107), «Прежние **романисты...**» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной») (Пушкин, 1950а, т. 5, с. 312) и «...позвал **романиста...**» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений») (Пушкин, 1950а, т. 5, с. 150).

Незначительное отклонение от грамматической категории французского источника можно наблюдать у галлицизма *эгоист*. **Эгоист** – *égoïste* в лексикографических источниках французского языка отмечается как *s. des deux genres* – существительное для обоих родов, в отличие от заимствования *эгоист* – м. р. (Словарь церковно-славянского и русского языков, 1847, т. 4, с. 472): «...известным **эгоистом...**» (“Table-Talk”) (Пушкин, 1950а, т. 5, с. 272). Латинская праформа *ego* в значении «я» вносит существенный коннотативный компонент в восприятие французского заимствования, во-первых, как человека, ‘предпочитающего свои интересы интересам других людей’, – *эгоист* (*égoïste*) и, во-вторых, как социально-психологическое направление – *эгоизм* (*égoïsme*), которые одновременно датированы 1755 г. (Dauzat, 1961, p. 269).

Преобладающим является, на наш взгляд, лексический признак, так как во всех случаях указывается лицо мужского пола, и переход *-iste* → *-ист* в словах *эгоист* и *журналист* осуществляется с сохранением м. р. (Dictionnaire de L’Académie française, т. 1, 2), при этом лексемы *нигилист* и *романист* в указанном словаре не фиксируются. В целом перечисленные структурно-семантические единицы с номинацией лица принимают активное участие в создании социально-психологической характеристики персонажа: по убеждениям – *нигилист*; по личностным качествам – *эгоист*; по профессиональной деятельности – *романист*, *журналист*. Суффикс *-iste* как оценочное средство (Галеева, 2024, с. 50) проявляется в лексемах с пейоративной окраской *нигилист*, *эгоист*, а нейтральный характер содержат лексемы *журналист* и *романист*.

Итак, французское *-e* в формах *-ette* и *-iste* приводит к оппозиции мужского и женского родов на русской почве.

В современном французском языке также используются «альтернирующие суффиксы», влияющие на формирование лексем мужского и женского родов: *-ain/-aine*; *-ier/-ière*; *-in/-ine*; *-teur/-trice*; *-eur/-euse* (Сенченкова, 2025).

Семантическое распространение в текстах автора свойственно словам с обозначением лица на *-êp* – *-eur* (*-ier*), как показывает статистика, в текстах А. С. Пушкина галлицизмы с данным элементом занимают около 0,9%: *гравёр* – фр. *graveur*, *гренадёр* – фр. *grenadier*, *губернёр* – фр. *gouverneur*, *понтёр* – фр. *pointeur*. Лексический признак, поясняющий языковые единицы как лица мужского пола, влияет на определение родовой принадлежности: **гравёр** – «специалист по резьбе на металле, камне, дереве; художник, делающий гравюры резьбой или травлением» (Словарь русского языка XVIII в., 1989, вып. 5, с. 207), **губернёр** – «Домашний воспитатель детей (в русском быту – обычно иностранец)» (Словарь русского языка XVIII в., 1991, вып. 6, с. 8), **понтёр** – «ставщик» или «человек, играющий против банка в азартных играх» (Фасмер, 1987, т. 3, с. 325). У А. С. Пушкина склоняются как существительные мужского рода: «...нанял **гравёра...**» («История Петра I») (1950b, т. 6, с. 301), «...жил он **губернёром**» («Дубровский») (1954, т. 3, с. 344), «...**понтёры** тотчас дали ему место» («Пиковая дама») (1954, т. 3, с. 409). Как отмечает И. А. Галеева, *-eur* является «наиболее употребительным суффиксом, характеризующим человека через его деятельность» (2024, с. 50).

Рассмотрим процесс ассимиляции галлицизма **гренадёр**, опираясь на французский источник. У аналога *grenadier* во французском языке отмечается лексическая и грамматическая дифференциация: прототип *grenadier* в значениях «кавалерия» и «носитель гранат» предполагает и разные категории рода (ж. и м. р.) (Dictionnaire de L’Académie française, т. 2). В русском же языке французские имена существительные с основой на носовой согласный меняются по уже известным нам грамматическим правилам отечественного языка – это нулевое окончание мужского рода именительного падежа. Образование с рассматриваемым элементом присуще наименованию лиц в военной сфере: «Шведская батарея действовала вдоль плотины. Русские **гренадёры** бросились и ею овладели» («История Петра I») (Пушкин, 1950b, т. 6, с. 465).

Корреляция французского прототипа у слов *гравёр*, *гренадёр* происходит посредством передачи французского *-eur*, *-eir* → *ёр* с сохранением м. р. В целом французская лексика, номинирующая лицо, образуясь по существующим в языке словообразовательным моделям, отличается необычностью и емкостью семантики, включающей иногда значение целого предложения или развернутого словосочетания.

Заключение

Таким образом, в первой половине XIX века значительная часть французских заимствований с рассмотренными структурными компонентами сохраняет, как правило, род языка-источника. В некоторых случаях в результате смешения двух языков наблюдается изменение рода под влиянием исходного языка или, напротив, свойственные родному языку признаки переносятся на французские корреляты. Колебаниям в морфологическом освоении подвержен структурный элемент галлицизмов, представленных в разной функциональной сфере, – французское сочетание *-et* (*-ette*) (м. и ж. р.). Консервация компонента языка-

источника чаще происходит посредством перехода *-iste* → *ист*, *-ot* → *от* и др., однако незначительные изменения наблюдаются при ассимиляции слов с конечными *-ант* и *-ент*. Часть *-ант* у галлицизма *сержант* является результатом трансформации французского *-ent*, а *-ент*: *регент*, *претендент*, *резидент*, *фундамент* → от латинской праформы *-ens (ntis)*, *-ntus*. Во всех случаях иноязычный элемент переходит к основе. В пушкинский период стабилизируется категория падежа и рода иностранных слов. Французский источник, как правило, русифицируется следующим способом: *-tion*, *-tio* → *-ция* (ж. р.); *-tia* → *-ция*, *-тия* (ж. р.); *-ent*, *-ant* → *-ант* (м. р.); *-ot* → *-от* (м. р.); *-isme* → *-изм* (м. р.); *-iste* (м. р. и ж. р.) → *-ист* (м. р.); *-eur*, *-ier* (м. и ж. р.) → *-ёр* (м.р.). Вместе с тем наличие конечного *-e* после французских носовых согласных [п] и [т] может привести к оппозиции в русском языке ж. и м. р. на начальном этапе заимствования: *quarantaine* → *карантин* и *карантина*, *toilette* → *туалет* и *туалета*, *cotelette* – *котлет* и *котлета*, *cabinet* – *кабинет* и *кабинета*. Французскими лингвистами выделен ряд суффиксов, способствующих образованию антропонимических существительных. Среди них рассмотренные в нашей работе *-eur*; *-ier*; *-iste* (Галеева, 2024, с. 49). Как мы могли наблюдать, грамматические категории и орфографический облик заимствований у А. С. Пушкина не всегда соответствуют данным лексикографических изданий.

Иноязычные аффиксальные морфемы, как правило, имеют словообразовательное значение, позволяющее классифицировать лексемы по формально-семантическим признакам. Направленность к созданию общего значения намечается у некоторых коррелятов французских источников *сержант* и *комендант* (название человека на военной службе) и у ряда заимствований с латинской праформой *регент*, *резидент*, *претендент* (номинация лица в сфере политики и управления); с сочетаниями *-ёр* (обозначение лица в военной и профессиональной деятельности), *-ист* (характерологический компонент у личности и наименование лица в профессиональной деятельности), *-от* и *-ет* (обозначение предмета, *-от* также участвует в номинации лица), *-ция* (официально-деловой стиль, политика и управление). Частота употребления в произведениях А. С. Пушкина французских заимствований подтверждается его мыслями об отсутствии «метафизического языка»: «...но учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись...», – а французский язык в XIX в., как мы видим, и военный, и одновременно светский, «нацеленный на решение прежде всего прагматических задач» (Токарев, 2023, с. 10, 14). Статистические данные позволяют отметить значительное распространение среди галлицизмов слов с элементами *-ция* и *-ент* – 11,4%, *-ет* – 5%. Вместе с тем категорию ж. р. имеют 8,4%, а м. р. – 14%. Лексемы м. р., указывающие на номинацию лица, представлены около 6,8%. Настоящее исследование подтверждает, что литературное употребление лексем при освоении некоторых грамматических вариантов преобладает в текстах А. С. Пушкина по сравнению с некоторыми лексикографическими источниками. К тому же «нарушение билингом правил» фиксации категорий в отдельных словарных статьях становится литературной нормой.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно выделить изучение полисемантов в диахронии, которое может привести к незначительным изменениям, например, галлицизм *регент* в настоящее время известен и как 'дирижёр церковного хора'. Тенденцию к распространению в произведениях А. С. Пушкина имеют также элементы *-он* (*понтон*, *почтальон*, *бастийон*), *-ул* (*артикул*, *регул*), *-ат* (*аттестат*, *аристократ*) и т. д., выделяется ряд направлений, посвящённых тщательному изучению деривационных процессов, особенностям словообразовательной синонимии и омонимии, образованию других частей речи (глаголы, прилагательные и др.) и т. д. В целом дальнейшая разработка аспектов функционирования французских лексем представляет несомненный интерес для расширенного и углублённого изучения.

Материалы исследования | Research materials

1. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 2004.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Об-во любителей российской словесности учр. при Имп. Моск. ун-те, 1865. Ч. 3; 1866. Ч. 4.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Изд-е 2-е, испр. и значит. умн. по рукописи авт. СПб. – М.: Вольф, 1880. Т. 1; 1882. Т. 4.
4. Краткий словарь литературоведческих терминов: кн. для учащихся / ред.-сост.: Л. И. Тимофеева, С. В. Тураев. Изд-е 2-е, дораб. М.: Просвещение, 1985.
5. Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. Изд-е 9-е, испр. М.: Русский язык, 1988.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах. М.: Худож. лит., 1984.
7. Пушкин А. С. Мысли о литературе / вступ. ст. М. П. Еремина; прим. М. П. Еремина, П. М. Еремина. М.: Современник, 1988.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950а. Т. 5.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950б. Т. 6.
10. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. Т. 3.
11. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Имп. АН, 1794. Ч. 5.
12. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1814. Ч. 3. К – Н.
13. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. Вып. 1; 1989. Вып. 5; 1991. Вып. 6; СПб.: Наука, 1992. Вып. 7; 1997. Вып. 9; 1998. Вып. 10.

14. Словарь церковно-славянского и русского языков / сост. Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847. Т. 3-4.
15. Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. Т. 2; 1961. Т. 4.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
17. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... СПб., 1803. Ч. 1; 1804. Ч. 2; 1806. Т. 3.
18. Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française. P., 1961.
19. Dictionnaire de L'Académie française. 1835. Т. 1. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50407h>
20. Dictionnaire de L'Académie française. 1835. Т. 2. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50408v>

Источники | References

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития // Новое в лингвистике. 1972. Вып. VI.
2. Галеева И. К вопросу об особенностях субстантивов, характеризующих человека, в романе-эссе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-78-4-48-52>
3. Гордеева Л. П. Французская лексика в литературном языке России конца XVIII – первой половины XIX века: монография. М.: ФЛИНТА, 2021.
4. Дерягин В. Я. Беседы о русской стилистике. М.: Знание, 1978.
5. Изюмская С. С. А. С. Пушкин и вопрос о соотношении понятий «чистота русского языка» и «иноязычные слова» (на материале романа «Евгений Онегин») // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 6-7 июня 2024 г.) / отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024.
6. Мазина Н. С. Выражение категории рода существительных во французском и русском языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34).
7. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972.
8. Сенченкова М. В. Грамматические категории имени существительного во французском языке (в сопоставлении с русским) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1.
9. Сокурова С. Н. Неологизмы французского языка в сфере экологии 2024-2025 годов (обзор толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20250330>
10. Токарев Д. В. Понятие метафизического языка и политика перевода у П. А. Вяземского // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-10-35>
11. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты.

Информация об авторах | Author information

Гордеева Лариса Павловна¹, к. филол. н.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Larisa Pavlovna Gordeeva¹, PhD

¹ Kazan (Volga region) Federal University

¹ lp-gordeeva@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2026; опубликовано online (published online): 27.02.2026.

Ключевые слова (keywords): интерференция; категория рода; деривационное значение; семантический и грамматический признаки; interference; category of gender; derivational meaning; semantic and grammatical features.